

Эффект

МОТЫЛЬКА

РОМАНЫ ВНЕ СЕРИИ:

Когда меня не стало
Девушка по вызову
Волчья ягода
Черное платье на десерт
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Миф Коко Банча
Этюд в розовых тонах
Защита адвоката (Плюшевый свидетель)
Услуги особого рода
Комната смеха
Японская молитва
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Правда о первой ночи
Нирвана с привкусом яда
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Хроники Розмари
Солнце в черном небе
День без любви
Печальная принцесса
Персиковый мед Матильды
Дождь тигровых орхидей
Сердце химеры
Алый шар луны
Девять жизней Греты
Шестой грех
Звезды-свидетели
Призраки знают все
За спиной — двери в ад
Любовница не по карману
Незнакомка до востребования
Тринадцатая гостья
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветы предательства
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты

Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах

АДВОКАТ ЕЛИЗАВЕТА ТРАВИНА

1. Одинокие ночи вдвоем
2. Смерть отключает телефон
3. Меня зовут Джейн
4. Витамин любви
5. Две линии судьбы
6. Когда остановится сердце
7. Аромат желания
8. Красивая, богатая, мертвая
9. Пожиратели таланта
10. Серебряная пуля в сердце
11. Ангел в яблоневом саду
12. Из жизни жен и любовниц
13. Прекрасный возраст, чтобы умереть
14. Приговоренный к жизни
15. Признание грешницы
16. Дом на берегу ночи
17. Мишень для темного ангела
18. Убийство в соль минор

ЖЕНЯ БРОННИКОВА

1. Комната для трех девушек
2. По дороге в синий лес
3. Земляничное убийство
4. Во всем виноваты кувшинки
5. Мелодия убийства

АННА
ДАНИЛОВА

ДОМ НА БЕРЕГУ
НОЧИ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Осминина*
Оформление серии *А. Зининой*

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Дом на берегу ночи : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181367-3

Ты знаешь лучшего друга тысячу лет, но приходит день, когда ты понимаешь, что главного о себе друг никогда не скажет. В саду за кустами сирени Никита оказывается свидетелем страшного спектакля: крадучись и оглядываясь, Федор, его приятель, выносит из дома труп неизвестного. Так вырастает стена между прошлым и будущим, друг превращается в оборотня, и тебе самому еще долго предстоит искать ответ — где правда, а где ложь, где иллюзия, а где реальность, кому можно доверять, а кого стоит опасаться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181367-3

© Дубчак А. В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

1. Никита. 2009 г.

Тот, кто придумал этот мир, придумал и цвет крови. Кровь яркая, красная, один ее вид — как сигнал опасности, что смерть где-то близко, что надо что-то предпринимать. В случае, если живое существо, теряющее кровь, еще дышит, надо его спасать, если же мертво — искать виновного в его смерти.

Человек, которого заворачивали в белое шелковое покрывало, был явно мертв, и кровь прямо на глазах пропитывала слои шелка, делая этот сверток с мертвецом внутри похожим на окровавленный кокон.

Кого убили? Кого зарезали? Именно зарезали, потому что крови слишком много, да и выстрела не было слышно.

Весь дом еще спал, в каждой комнате по человеку, в хозяйской спальне крепко спала, обнявшись, сложившаяся случайно с вечера, не без помощи алкоголя, парочка. Июньский утренний воздух, пробравшись в комнату сквозь занавески, медленно остужал их обнаженные красивые тела.

Никита с бьющимся сердцем выбежал в сад, спрятался за кустами сирени, чтобы досмотреть до конца это страшное и одновременно завораживающее действие: молодой парень, прежде считавшийся его другом, выволакивает из дома труп.

Проснувшись раньше всех (но не раньше убийцы), Никита обошел весь дом, пытаясь найти кого-то, с кем бы он мог разделить это тяжелое похмельное утро, но все спали. Или не все?

Никита принялся загибать пальцы, вспоминая всех тех, с кем он так весело провел вечер и половину ночи.

Саша, Егор, Вадим, Галя, Таня, Андрей с Алисой, сам Никита и Федор. Всего девять человек. Если не считать проснувшихся Никиту и Федора, остальные семеро спали. Андрей с Алисой в спальне, остальные пять человек разбрелись по дому и заснули кто где. И все — живы. Все, с кем они сидели за столом на террасе дачи, ели шашлык и пили — живы, живы... Он сам обошел дом и проверил! Все дышат!

Не было ни конфликтов, ни разборок, ни тяжелых разговоров, ничего такого, что могло бы закончиться убийством!

Но тогда кто тот человек, окровавленное тело которого Федор заворачивал в покрывало? Он не из их компании. Откуда же он взялся? Когда?

Все много выпили, но и закуска была отменная — шашлыка было столько, что хватило бы на три такие компании! Ароматное, мягкое, хорошо прожаренное на углях мясо, помидоры, лук! Да под такую закуску никто и не должен был так опьянеть...

Никита проснулся и обнаружил себя в маленькой комнате, которую Андрей Арнаутов, родителям которого и принадлежала дача, называл комнатой для прислуги. Удобная кровать, шкаф, два стула и туалетный столик. Окно выходит в сад. За прозрачными занавесками покачиваются ветки вишне-

вых деревьев с мелкими незрелыми зелеными плодами-бусинами.

Через стенку — ванная комната, где Никита умылся холодной водой, чтобы прийти немного в себя. Хотелось пить.

Он заглянул в кухню, залитую утренним солнцем, на большом столе были разложены овощи, грязная посуда, но, несмотря на беспорядок, все равно все выглядело как-то весело, ярко и даже красиво — от солнца, от зелени...

Никита представил себе, как он сейчас примется готовить завтрак, как найдет в холодильнике все необходимое, как приготовит тесто и начнет печь блины. Все проснутся от запаха, соберутся на кухне, все такие родные, правда, с помятыми лицами и припухшими глазами, и улыбнутся ему, Никите, а Андрей скажет:

— Ну, ты, брат, молоток! Красава!!!

Но ни молока, ни яиц обнаружить не удалось, и тогда Никита стал искать Андрея, чтобы спросить, где здесь в деревне магазин или у кого можно купить продукты. Вот так он и оказался перед дверью, ведущей на террасу. Он не успел коснуться ручки, его взгляд скользнул по застекленной стене террасы, занавешенной тюлевой занавеской, и заметил красные пятна... Приблизился и увидел то, что явно не предназначалось для его глаз: Федор упаковывал чей-то труп в покрывало...

Он проследил за ним до самой реки, до обрывистого берега, откуда на песок, на площадку, расположенную высоко над уровнем воды, он и сбросил свою страшную ношу.

Никита, прячась за елями, видел лицо своего друга Федора — оно было белым, словно тоже мертвым. Неси он другую ношу, Никита бы, не раздумывая, бросился другу на помощь. Но за какие-то минуты Федор успел стать другим человеком, оборотнем, и между ними выросла невидимая стена, отделившая прошлое обоих от будущего.

Федор — убийца.

Еще вчера Федор был закадычным школьным товарищем, другом, с ним вместе столько пережито, и что теперь? Броситься к нему на помощь, предложить сбегать за лопатой, чтобы закопать труп? Расспросить его, кто этот человек и за что он его убил?

А может, все это лишь сон?

Никита ущипнул себя за руку. Нет, вон и Федор возвращается с лопатой. И этот стук металла о землю, присыпанную песком, — реальность.

Надо было возвращаться в дом, ко всем тем, кто безмятежно спал и ничего не знал. Какое же это счастье — ничего не знать.

Тогда и он будет себя вести так, словно он ничего не знает. Будет таким же, как и все. Вот единственно правильное решение.

Надо вернуться в дом, лечь, как будто он и не вставал, и дожидаться остальных.

Никита вернулся в комнату для прислуги, зарылся с головой под одеяло, но сна, понятное дело, не было. Голова болела, он пытался вспомнить события прошедшей ночи. Вино, виски, потом водка... Помнится, они танцевали, бултыхались в малень-

ком пластиковом бассейне, который мама Андрея, Нина Александровна, покупала для себя, любимой, и уж никак не представляла, что туда заберется одновременно столько народу! Но было весело, все были мокрые, хохотали, шутили...

Когда же в их веселье пробрался чужак? Тот, кто вынудил Федора убить его?!

Федор и убийство — это невозможно! Спокойный, рассудительный «ботаник», юморист, отличный парень, верный друг. Конечно, если нужно, он сможет постоять за себя, может и морду набить, Никита сам видел, как он разбирался с двумя парнями за школой, это было два года тому назад. Словом, пацан что надо! В школе, среди старшеклассников, его уважали, знали, что если какой конфликт, то за справедливостью нужно идти к Федору Морозову.

Учителя обращались к нему, когда надо было организовать класс, как-то повлиять на ребят, добиться правильной реакции на события.

Предки Федора — правильные, семья — как крепость. И вдруг это убийство!

Да и пил Федор не так уж и много, хотя был весел, много шутил, рассказывал анекдоты так, что все вокруг просто покатывались. Алиса еще сказала, что от такого смеха можно сломать челюсть!

Андрей, Алиса, Таня, Галя и Егор — все студенты университета в городе Калина, все местные, как и Саша, Вадим, Никита и Федор.

Компания сложилась еще в прошлом году, Андрей, как и в этот раз, пригласил всех к себе на дачу. Может, конечно, для семьи Арнаутовых это и счита-

лось дачей, однако это был настоящий добротный дом на окраине города, в районе Абрамово. Девчонки отпускали из дома спокойно, знали, что у Арнаутовых они будут в безопасности. Отпускали с ночевкой, иногда даже на два дня!

Алиса сначала была с Федором, они два года встречались, потом, поговаривали, у нее появился солидный любовник, какой-то чиновник из администрации города, и вдруг она появилась в Абрамово одна, красивая, сияющая, в прозрачном открытом платье, вот, мол, я снова с вами! Пила в меру, зато много танцевала, ею любовались и парни, и девчонки, уж слишком была хороша. И никто не удивился, что спать она пошла с Андреем, хозяином дома.

Если бы Федор (не дай бог, конечно) пырнул ножом Андрея, даже это еще можно было бы как-то объяснить — ревность. Но Андрей, к счастью, жив-здоров!

Так кто же был там, в этом красно-белом жутком коконе? Кто?

Никита ворочался в постели еще какое-то время, потом не выдержал, снова прилепился к окну террасы, посмотреть, где Федор, вернулся ли. И увидел, как тот, стоя на коленях рядом с кроватью, замывает плиточные полы от крови. От крови. Потому что вода в белом пластиковом ведре стала розовой.

Он тер тряпкой энергично, почти истерично, то и дело оглядываясь, боясь, что его могут увидеть. И когда он, последний раз протерев фрагмент пола, бросился к входной двери чтобы выплеснуть воду в траву возле крыльца, Никита испытал от-

чего-то сильнейшее волнение, ведь это был Федор, его лучший друг Федор, и этот труп мог быть результатом несчастного случая! Федор влип в какую-то историю, ему наверняка нужна помощь, а он, Никита, вместо того, чтобы как-то помочь ему, хотя бы сказать, что он в курсе, и что если требуется алиби или еще что, то он готов сделать для друга все, уже успел увидеть в нем убийцу и даже презирать.

Он видел, как Федор моет ведро, полощет тряпку под мощной струей воды в мраморной чаше прямо под окнами террасы.

Когда же он проснулся? Кто его разбудил, что он проснулся так рано, успел вляпаться по самое горло в криминальную историю, избавиться от трупа и даже закопать его в песке, под обрывом, а потом еще вернуться в дом и вымыть полы?!

Сколько же сил душевных и физических он потратил, а ведь еще только шесть часов утра!!!

Внезапно он услышал голоса. Воображение нарисовало полицейских, заламывающих руки Федору и заталкивающих его в машину..

Однако, выглянув на улицу, вернее, вывалившись на крыльцо с видом человека, который только что поднялся с постели, да еще и с похмелья, он увидел за калиткой женщину, протягивающую Федору банку с молоком.

— Федор, а яйца у нее есть? — окликнул друга Никита. — Может, продает?

Федор спросил у женщины, и та в ответ открыла

корзинку и достала пакет с яйцами. Никита видел, как Федор расплатился с ней, поблагодарил. Потом медленно повернул голову в его сторону.

— Встал? — спросил он, и Никита заметил, как плохо выглядит Федор — почерневшие круги под глазами, опущенные уголки губ. Трудно было представить, что Федор, рассказывающий накануне вечером анекдоты, сыплющий шутками, весельчак, душа общества, и этот парень с серым безжизненным лицом, прижимающий к груди банку с молоком, — один и тот же человек.

— Да вот... Проснулся... Все еще спят. Это здорово, что есть молоко и яйца. Ты умеешь печь блины?

— Не знаю...

— Да уж, видок у тебя тот еще! — Никита пытался вести себя так, как обычно в такой ситуации. — Желудок?

— Да, вывернуло всего... наизнанку..

— Ну, ничего! Сейчас заварю чаю, целый чайник! Как ты думаешь, положить туда смородинового листа, так моя мать делает?

— Положи, — пожал плечами Федор, поднялся на крыльцо, отнес продукты на кухню. — Слушай, Никита, что-то мне херово... Я поеду домой... Ты как, со мной?

— Не, я буду блины печь, — смалодушничал Никита, решив, что для собственной безопасности лучше находиться подальше от Федора. — А ты поезжай... Вон, весь зеленый!

Федор быстро собрался, подошел к Никите, пожал ему руку:

— Ладно, брат, я поехал!

— Выздоровливай!

Никита стоял на крыльце и смотрел, как Федор идет по дороге в сторону железнодорожной насыпи. И хотя было раннее утро, по дорожке, проложенной через небольшой низкорослый лесок, уже тянулись к остановке дачники и жители окраины Абрамово.

Никита дождался, когда Федор скроется в лесу, бросился на террасу, туда, где еще влажно блестели плитки пола, и зачем-то перекрестился. Глубоко вздохнул, как бы перелистывая страницу утра, вернулся на кухню и принялся замешивать тесто для блинов.

2. Маша. 2014 г.

В тот день Маша знала, что такое абсолютное счастье. Она сама себя ощущала, как человек, которому посчастливилось найти клад, настоящий, с золотыми слитками и бриллиантами, и все эти сокровища можно было потрогать руками, полюбоваться блеском драгоценностей, зная, что на этот раз это не один из детских снов, а реальность. И дело было, конечно, не в богатстве, а в завораживающем чувстве обладания. Она безраздельно владела не кладом, конечно, не золотыми слитками, а настоящим мужчиной. Она знала, чувствовала, что он принадлежит только ей, и никогда, с тех самых пор, как они познакомились, она не сомневалась в этом. Федор — самый надежный мужчина на всем белом свете. Красивый, очень умный, добрейшая душа, лапочка, сама нежность! Она любила Федора так, что думала о нем постоянно. Что бы ни делала, где бы ни была,

перед глазами стоял он, высокий брюнет с темными глазами и кроткой улыбкой.

И с ним можно было делать все, что захочется: целовать, играть с его блестящими густыми волосами, пощипывать его щеки, покусывать его плечи, сидеть у него на коленях, кормить его с ложки, тереть ему спину намыленной мочалкой, раздевать и одевать его... Они принадлежали друг другу, им было хорошо друг с другом, они приняли решение жить вместе, и ни одна сила в мире не могла бы разрушить их планы и мечты.

— Вы очень красивая в этом платье! — воскликнула, как показалось Маше, вполне искренне продавщица свадебного салона. — Как же преображают эти свадебные наряды женщин...

Худенькая некрасивая девушка крутилась вокруг Маши, поправляя складки воздушного белого платья, и Маша представила себе, как та после закрытия магазина, оставшись одна, наедине со своим одиночеством и, быть может, отчаянием, меряет все платья подряд, кружась перед зеркалом и мечтая о замужестве, о собственной свадьбе. Хотя, кто знает, может у этой девушки есть семья, дети...

— Да, пожалуй, на этом платье и остановлюсь, — сказала Маша. В отличие от своих подруг, в свое время так же готовившихся к свадьбе, она занималась поиском свадебного платья одна, хотела выбрать то, что нравится только ей. Имея самое смутное представление о том, как сложится ее дальнейшая жизнь, и большое ли место муж займет в ней, как будет влиять на нее, она решила хотя бы в вы-

боре платья оставаться свободной, самостоятельной и не зависимой ни от чьего мнения. Даже мамы, не говоря уже о подругах. — Это платье, вы не поверите, уже тринадцатое, что я перемерила! И я его беру! Упакуйте, пожалуйста!

Выйдя из салона с большой коробкой в руках, Маша решила перевести дух, села за столик в летнем кафе, заказала сок. Город уже проснулся, открывались магазины, мальчик с щеткой и ведром мыл витрины, из кондитерской долетал аромат свежесдобытых бисквитов, в кафе пахло молотым кофе, в подворотне, в темной арке, сидела на ящике из-под бананов смуглая нищенка в теплой вязаной кофте, ела булочку и запивала кофе из пластикового стаканчика, которыми ее угостил кто-то из сердобольных продавщиц близлежащего продуктового магазина.

Это удивительно, думала Маша, что салон открывается так рано, в восемь часов. Платье-то она выбрала еще вчера, продавщица сказала ей, что надо бы его поскорее выкупить, потому что еще две невесты положили на него глаз...

Мысли были ленивыми и одновременно какими-то тревожными. Платье куплено, кольца — тоже. В квартире, которую купил Федор, уже сделан ремонт, осталось только привезти мебель. Жизнь стремительно несется вперед, не оставляя возможности уже что-то изменить или хотя бы приостановить. Брак — дело решенное, и приготовления к свадьбе практически закончены: заказан ресторан, разосланы открытки, сделаны необходимые покупки.

У Маши была своя маленькая квартирка, в которой она жила одна и первое время очень дорожила своей свободой. Сейчас же ей предстоит переехать в новое жилье, варить кофе в новой кухне, спать в новой кровати и жить с человеком, который сделает новой ее жизнь.

Она сильно волновалась. И это при том, что знала Федора почти всю жизнь, часто ночевала в его холостяцкой квартире, готовила ему завтраки и иногда ужины, смотрела с ним футбол... Но как жить вдвоем? Что ее ждет?

— Маша? Зими́на?

Она вздрогнула. Женский голос заставил ее обернуться. Девушка в белом брючном костюме стояла напротив солнца, и лица ее поначалу было не разглядеть.

— Маша, это же я, Галя!

Галка Курочкина! Вот это сюрприз! Школьная подруга, хороший жизнерадостный человек!

— Галка, как я рада! — Подруги обнялись. — Садись! Ты откуда?

— Из Калины. Это ты перебралась сюда, а я осталась там, работаю врачом в районной больнице. Вышла замуж...

— За Никиту?

— Да, и нисколько, между прочим, не жалею!

— Он хороший парень, я его отлично помню! Детки есть?

— Нет пока еще, но мы над этим работаем!

— Очень хорошо выглядишь!

— Ты тоже!

Маша смотрела на Галку и вспоминала ее девичьи разговоры о будущем. Мечтала окончить медицинский в Калине, но работать хотела в Москве: столица, заработки, другая жизнь. Это была ее цель. Видимо, роман с Никитой, любовь, а потом и замужество повлияли на нее, заставили отказаться от своей мечты, и вот она осталась в провинциальном городке Калина, работает там и вполне счастлива. Хотя, она может и лукавить. Галка не такая уж и простая, с двойным дном, всегда себе на уме. С лица ее никогда не сходит улыбка, она словно приклеилась к ней намертво. Даже когда она злится, у нее на лице улыбка, немного змеиная, страшноватая, но все равно улыбка.

— Значит, в Москву не поехала? — понимала, что не надо спрашивать, и так понятно, но все равно зачем-то спросила.

— Какие наши годы?! Еще поедem. Вместе с Никитой.

— А он чем занимается?

— В администрации работает, хорошую должность занимает, — напустила туману Галка.

Она была хороша собой, яркая брюнеточка с матовой кожей и ярко-синими глазами. Никто не верил в свое время, что у нее не синие линзы, а свои, похожие на драгоценные камни, глаза.

— Кого-нибудь из наших видишь? — спросила Маша скорее из вежливости, чтобы показать свою пока еще неразорванную связь с прошлым, с друзьями детства, с городом Калина. На самом деле все связи с друзьями, за исключением Федора, конечно, были потеряны, о чем она несколько не жа-

лела. Жизнь несла ее вперед, не давая возможности опомниться, не то что оглянуться. Какие-то новые события, работа в адвокатуре, множество уголовных и гражданских дел, клиенты, суды, документы, а теперь еще и свадьба!

— Танюха Убейконева со мной работает, в педиатрии. Вадим Дорошев метит на прокурора. Егорка Князев, представляешь, выучился на повара, сейчас в Москве работает в каком-то дорогом ресторане, у меня визитка есть, если поедешь...

— А Андрей? Он с Алисой?

— Да. Они поженились, Алиса открыла художественный салон, скупает картины местных художников, занимается благотворительностью, кормит их, представляешь?! Договорилась с подругой, у которой свое кафе, чтобы по пятницам та предоставляла его голодным художникам, скульпторам, кажется, туда ходят и музыканты, а иногда приглашает всех к себе на дачу... — щебетала Галя. — Знаешь, эти художники, такие потрепанные жизнью люди, но интересные, талантливые, хотя и неудачники или просто спившийся народ... Она кормит их супом, жареной картошкой с котлетами, говорит, что отбивные они есть не могут, у них нет зубов...

— А с чего бы это ей заниматься этими людьми? Какой толк?

— Говорили, что ее родной отец был художником, знаешь, этаким непризнанным гением, он, кажется, повесился в своей мастерской... Думаю, отсюда такой интерес к художникам.

— Молодец Алиса, что я могу еще сказать! Вместо того чтобы деньги на тряпки тратить...

— Денег у них полно, — перебила ее Галка, про-

должая свою мысль. — Папаша же пристроил Андрея в свою фирму..

— Вот я и говорю, что вместо того, чтобы тратить деньги на себя, она занимается таким благородным делом. Я бы на ее месте попробовала бы организовать выставки, чтобы они могли реально заработать для себя деньги.

— Так вот она в своем салоне их и выставляет!

— Здорово! И как она выглядит? Не растолстела?

— Нет, такая же стройная, — поджала губы Галка. — И красивая. Они вообще хорошая пара. Видные такие, яркие!

— Понятно...

— Да, чуть не забыла, еще Сашок Горностаев. В деревню уехал. Квартиру продал и вложился в сельское хозяйство. У него бычки.

— Сашка?! Надо же! Он же на филологическом учился... Что ж, все устроились, я рада. За пять лет столько произошло перемен.

— А у тебя как дела?

— Нормально, замуж вот выхожу...

Галка, однако, пропустив эту важную для каждой нормальной девушки информацию мимо ушей и словно боясь потерять мысль (хотя, скорее всего, даже и не услышав Машу), вдруг сказала:

— Да! Вспомнила! Помнишь Федора Морозова? Такой красивый парень, мы все были в него влюблены...

Кровь бросилась в лицо Маше. Она даже дышать перестала. Интересно, о нем-то чего можно сказать? Федор уехал из Калины ровно пять лет тому назад, в Питер, к брату..

— Вот так живешь рядом с человеком, — Галка перешла на доверительный шепот и даже склонила голову поближе к Маше, — разговариваешь с ним, бываешь с ним в одной компании, слушаешь его анекдоты, смеешься и не знаешь, что он — убийца!

— Что-о? Кто, Федор?

— Говорю же: Федор Морозов! Не могу тебе рассказать, откуда мне обо всем этом известно, но факт достоверный, из первоисточника, так сказать.

— Федор — убийца? Ты ничего не путаешь? Тот самый Федор... Морозов? Друг твоего Никиты?

— Ну да!

— И кого же он убил?

— Забил насмерть одного подростка!!!

— Не может быть! Он же, кажется, давно уехал из Калины.

— Он потому так спешно и уехал. Убил и исчез.

— Что за подросток? — Маша почувствовала приближающуюся дурноту. Даже ее кожа отреагировала на услышанное, покрылась мурашками.

— Какой-то Коля Решетов.

— Кто он такой? Откуда?

— Ничего о нем не известно. Только то, что Федор убил его. И сбежал.

— Но если кому-то стало известно об этом, то почему его тогда не... посадили? — Этот вопрос дался ей с трудом. Ей показалось даже, что у нее волосы зашевелились на голове, она непроизвольно пригладила их ладонью.

— Говорю же, он сбежал! Чего ему бояться, если у него отец в прокуратуре работает?